

ляне имѣли своего орхерея, котораго называли верховный жеребецъ“.

Вотъ профессоръ Гельмуръ Винтеръ, который уже недовольствуясь рѣчью изображаетъ ртомъ канонаду при вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ въ 1813 году.

Вотъ преподаватель уголовного права профессоръ Густавъ Фогель, въ угоду старому приказному строю, громащій судъ присяжныхъ слѣдующими неотразимыми фактическими доказательствами: „однажды гдѣ-то, когда-то, какая-то дѣвушка совершила какое-то преступленіе и присяжные оправдали ее!“

Учиться у такихъ господъ было нечему, не стоило. И Толстой, сидя въ карцерѣ, которымъ встарину поощрялось прилежаніе и усердное посѣщеніе университета, раздражается горячей тирадой противъ университетской „науки“: „Исторія... собраніе басенъ... что вынесемъ мы изъ университета? Подумайте и отвѣчайте, допрашиваетъ онъ товарища по заключенію. Что вынесемъ мы изъ этого святилища, возвратившись во свояси въ деревню, на что будемъ пригодны? Кому нужны?“ Быть можетъ именно въ эти годы зародилось въ немъ болѣе ярко сказавшееся впоследствии отвращеніе къ „научной наукѣ“ и ученымъ педантамъ.

Первая самостоятельно продѣланная работа — сличеніе „Esprit de lois“ Монтескье съ „Наказомъ“ Импер. Екатерины окончательнo убѣдила его въ бесплодности университета и послѣ неудачнаго экзамена онъ его покидаетъ.

Къ сожалѣнію за время пребыванія въ университетѣ Толстой не использовалъ другого источника образованія—общества развитыхъ товарищей. Подобно Лермонтову, Толстой замкнулся въ узкомъ кружкѣ товарищей аристократовъ и свѣтскихъ гостиныхъ. Онъ не прочь былъ помечтать вмѣстѣ со своей тетужкой о флигель-адъютантскихъ эполетахъ или карьерѣ дипломата. Тетужка мечтала и о выгодной женитьбѣ и твердо была увѣрена, что „ничто такъ не формируетъ молодого человѣка, какъ связь со свѣтской женщиной“.

Самъ Толстой былъ твердо проникнутъ принципами *comme il faut*. Они состояли въ четырехъ заповѣдяхъ: 1) умѣнь чистить ногти и носить особаго покроя панталоны въ соответствіи съ особой формой сапога, 2) въ умѣнь кланяться, танцовать, разговаривать „непринужденно“, 3) въ совершенномъ произношеніи по французски и 4)—самое важное въ особомъ тонѣ равнодушія и презрѣнія ко всему и всѣмъ.

Людей Толстой дѣлилъ на три группы, изъ коихъ первая—люди *comme il faut*, вторая—люди не *comme il faut*, которыхъ Толстой прямо ненавидѣлъ и третья—остальной людъ, простой народъ, котораго Толстой просто не замѣчалъ.

Но рядомъ съ этими феодально-аристократическими настроеніями въ душѣ Толстого совмѣщались и другія, несомнѣнно навѣянные чтеніемъ. Въ возрастѣ 14—20 лѣтъ Толстой успѣлъ кое что прочитать. „Огромное“ вліяніе имѣли